

©2000 г.

С.А. ЧУЙКИНА

РЕКОНФИГУРАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Семья поместных дворян в до- и послереволюционной России (1870-1930-е гг.)

ЧУЙКИНА Софья Александровна - аспирант факультета политических наук и социологии Европейского университета (Санкт-Петербург).

Данная работа затрагивает некоторые аспекты изменений социальной структуры российского общества, происходивших в 1920-е - 1930-е годы. С социологической точки зрения интерес представляет исследование преемственности между повседневной жизнью и деятельностью выходцев из разных сословий до революции и тем, как они приспосабливались к ситуации переходного периода, какие места в советском обществе им удалось занять в рассматриваемые годы, как трансформировались навыки, необходимые им в дореволюционной жизни, в новые, полезные для существования в новой России. Хотя дореволюционные сословия и связанные с ними статусы официально исчезли из социальной структуры общества, но люди, социализованные при старом режиме, их способы жизни и сословные идентичности продолжали жить. Для того чтобы эти люди "растворились" в советском обществе, необходим был длительный и сложный процесс преобразования привычек, навыков, идентичности. В настоящей статье я показываю, как проходил этот процесс на примере жизни одной семьи, принадлежавшей до революции к поместному дворянству, в период с 1870-х по 1930-е годы.

Задача работы - анализ механизмов социальных преобразований на микроуровне, т.е. реакций людей на изменение социального контекста, их тактик сопротивления нововведениям. В качестве аналитического инструмента исследования используется теория практик [1,2], которая дает возможность исследования социальных преобразований именно под таким углом зрения. Концептуализация социальных изменений в работах исследователей утверждается в полемике с другими социологическими теориями-структурным функционализмом [3, с. 181-215], структурализмом [4; 5; 6, с. 135-143], теориями рационального выбора [7]. Общим моментом, объединяющим различные направления исследований практик, является представление авторов о преобразованиях как о социальном феномене: социальные изменения присущи любому обществу и являются его нормальной характеристикой, они контекстуальны, их ход определяется во многом созидательной деятельностью людей. Теоретическим основанием для данного исследования являются подходы Э.П. Томпсона и Х. Дрейфуса. Томпсон в работе "Становление английского рабочего класса" рассматривает изменение социальной структуры как результат переживания исторических событий людьми, прошедшими схожие этапы социализации, имеющими определенный багаж знаний, навыков, представлений. В процессе социального взаимодействия между рядовыми участниками процесса преобразований возникают новые идентичности и новые элементы социальной структуры [4]. Ч. Спиноза, Ф. Флорес и Х. Дрейфус

также рассматривают социальные изменения как производство истории" активными индивидами. Под изменением практик авторы понимают изменение *стиля*. Стилем в их интерпретации является способ координации жизненного пространства индивидов, организованного вокруг привычного обихода, знакомых предметов материального мира, использования повседневного "инструментария"¹; целей использования инструментария; идентичностей, возникающих в результате обращения с "инструментами", т.е. привычными предметами материального мира [7, с. 17-21].

Итак, представители теории практик исследуют, как постепенные изменения в повседневной жизни людей влияют на изменение социального порядка и социальной структуры общества. Поэтому в фокусе исследователей практик находится не все общество, а небольшая его часть (группа, социальная среда), чаще всего - та часть общества, которая является эпицентром преобразований, интересующих исследователей.

С этим связан выбор способов исследования, один из которых - микросоциологический анализ с использованием временной дистанции, позволяющий детально изучить социальное взаимодействие, осуществляемое в конкретном историческом контексте, развитие и динамику этого взаимодействия. Реконструкция и детальное описание частных, индивидуальных ситуаций позволяет перейти к обобщениям и гипотезам о причинах существования различных форм социального и их преобразований.

С помощью этого метода проводилось наше исследование, источником которого послужила история одной дворянской семьи, охватывающая период с 1840-х по 1960-е годы² [8].

На первом этапе реконструируется способ жизни мужчин и женщин трех поколений этой семьи, социализовавшихся до революции, их вклад в благосостояние семьи, способы самореализации. Более подробно рассматриваются жизненные траектории представителей третьего поколения (родившиеся в 1870-е - 1880-е), наследников семейного стиля, которые находились в среднем возрасте в 1920-е годы. Детальное описание шагов братьев и сестер в 1920-е - 1930-е позволяет продемонстрировать приобретение новых умений и постепенное изменение практик в ответ на трансформацию социального контекста.

ДО РЕВОЛЮЦИИ. ЖИЗНЬ В ИМЕНИИ

Особенности состава и структуры дворянской семьи, ее стиль жизни были во многом обусловлены наличием поместья и его особенностями (географическим расположением, возрастом, количеством хозяев и проживающих в нем людей, богатством, доходностью). Исследователи модернизации, рассматривавшие проблему изменения семейного уклада считают, что семьи высшего класса, проживавшие в сельской местности,

¹ С помощью слова "обиход", "инструментарий" я пытаюсь перевести на русский язык термин, используемый последователями Хайдеггера - *Zeug* (в английских переводах — *equipment*).

² Данное исследование основывается на материале истории семейного клана Зворыкиных - поместных дворян, проживавших в поместье в Тверской губернии с н. XIX века до 1917 года. История семьи дописана Натальей Федоровной Зворыкиной, 1916 г.р. в середине 1980-х, написание ее заняло около десяти лет. Данная история не является провоцированным документом (т.е. она не создавалась по заказу социологов) или литературным произведением. Она предназначена для узкого круга лиц (для членов семьи и близких знакомых), и создана с целью сохранения семейной памяти, для потомков. Для ее создания были использованы следующие источники: дворянская книжка рода, ведущаяся с XVIII в. (где фиксировались рождения, смерти, получение образования, браки), переписка родственников, дневники, рассказы членов семьи друг о друге (записанные автором со слов), информация о членах семьи и ближайших друзьях в печатных изданиях, фотографии, а также личные воспоминания автора. "Записки" Н.Ф. Зворыкиной позволяют восстановить жизненные траектории четырех поколений этой семьи (первое - ок. 1800 г.р., второе - 1840-е г.р., третье - 1870-е-1880-е г.р., четвертое - 1900-1918 г.р.).

Основание исследования одной семейной истории - не вынужденный ход, а сознательная исследовательская стратегия. На мой взгляд, детальное рассмотрение жизненных траекторий представителей одной семьи или даже одной биографии, многое дает для исследования изменения практик, поскольку позволяет реконструировать участие в процессе преобразований шаг за шагом, позволяя проследить динамику и логику этого процесса.

представляют наиболее ярко выраженный тип расширенных семей. В этих семьях наиболее высок авторитет старших (что связано с наличием наследства), сильна межпоколенная солидарность (это связано с желанием сохранить высокий социальный статус семьи), и наибольшее количество членов семьи, живущих вместе (это связано с размерами домов и финансовыми возможностями) [9, с. 12-15]. В России до революции в имениях сельских помещиков жили кровные и приемные родственники (т.е. старшее поколение семьи, их сыновья с семьями и незамужние дочери, а также дети жен от предыдущего брака, принявшиеся в семью), компаньоны и компаньонки, воспитательницы детей, гувернеры, слуги и т.д. Все эти люди принадлежали к расширенной семье и были вовлечены в процесс создания и воспроизводства семейных ритуалов. Количество членов семьи могло составлять более 20 человек.

Наличие поместья, получаемого по наследству от предыдущих поколений, обеспечивало потомкам один из возможных путей самореализации и обеспечения жизни - хозяйственную деятельность. Кроме того, поместье в свою очередь "наследовало" своих владельцев: наличие хозяйства требовало, чтобы хотя бы один человек из семьи сохранял и по возможности увеличивал имеющееся достояние семьи. Продажа их в чужие руки в целом не приветствовалась, поскольку имения были материальным воплощением семейной памяти, и потеря их означала разрыв связи с прошлым и с предками, память о которых в дворянских семьях по традиции сохранялась.

Д. Берто и И. Берто-Вьям исследуют то, "каким образом владение семьей каким-либо средством производства (или торговли) детерминирует или воздействует на судьбы последующих поколений" [10, с. 107]. Они описывают семейную историю ремесленников и делают вывод о том, что "в действительности именно предприятие задействует одного сына, наследуя таким образом наследника". Это связано с тем, что для ведения торговли в сельской местности задействуется кроме материальных ресурсов, также **социальный капитал** [11], который более всего необходим для торговли. В случае, если в одном из поколений этот социальный капитал будет не востребован, семейное предприятие прекратит свое существование. Поэтому старший сын в семье откликается на "призыв" семейного предприятия и наследует его, а в случае смерти старшего сына, его заменяет следующий по старшинству и т.д.

Можно провести параллель с "наследованием имения" в дворянской семье: семья поместных дворян включена в дружеско-родственную соседскую сеть, и является частью территориально-локализованного сообщества. Скорее всего, феномен "наследования семейного предприятия", будь то земля крестьян, ремесленное предприятие или дворянское поместье и т.д., присущ семьям в том случае, если предприятие включает эту семью в более широкую социальную сеть, и если потеря этой сети изменит привычный стиль семьи и создаст угрозу понижения ее социального статуса, вне зависимости от того, насколько этот статус высок.

Поместья организовывали практики и социальную идентичность дворянских семей, с их наличием связан особый, характерный для дворян в целом, но в то же время индивидуальный для каждой семьи способ координации жизненного пространства, который мы называем *стилем* [12].

Обеспечение жизни семьи, поддержание семейного благосостояния, самореализация мужчин и женщин

МУЖЧИНЫ

"... Наш прадед Иван Степанович Зворыкин родился в сентябре 1798 года, ... воспитывался в Москве в Университетском пансионе. По окончании пансиона Иван Степанович "вступил на службу в 1815 году в лейб-гвардии Семеновский полк портупей-юнкером". [...] В 1840 году Иван Степанович женился на дочери соседского помещика Софье Петровне Милюковой, за ней он получил богатое приданое, позволившее ему заняться благоустройством своего имения, которое находилось в Вышневолоцком уезде Тверской губернии. Он построил довольно большой двухэтажный дом

и назвал имение "Воздвиженское". "Кроме самого дома, в котором (не считая кухни, ванной, коридора и маленьких кладовых) было 16—18 комнат, в имении было еще много построек: ... флигель на две половины, избушка, летняя кухня. Несколько поодаль от дома и ниже на холме - "птичник" и каретный сарай" [8, с. 3-6].

Имение Воздвиженское стало для И.С. Зворыкина и трех поколений его потомков и привычным местом жительства, и ареной светской жизни, и материальным воплощением семейной памяти. Потомки Ивана Степановича по мужской линии продолжали достраивать и благоустраивать его.

Сын **Анатолий Иванович Зворыкин** (1842-1918) "воспитывался в 1-ом московском кадетском корпусе, куда поступил в 1850 году. [...] Служил [в Гвардейской конной артиллерии] до 1868 года. В этом году вышел в отставку, поселился в поместье своем ... В 1869 году женился на дочери генерал-лейтенанта Федора Ивановича Русинова Наталье Федоровне. [...] На приданое своей жены [...] купил соседнее с Воздвиженским имение - Котлован. Это имение было в хорошем состоянии, имело много леса и приносило доход" [8, с. 11].

Четыре их сына - Иван, Николай, Федор, Анатолий - закончили в Петербурге Училище Правоведения. Учебное заведение выбиралось для детей родителями в их 7—8-летнем возрасте, при этом способности не учитывались. "Анатолий Иванович предполагал для сыновей военное поприще, так как сам воспитывался в кадетском корпусе, но Наталья Федоровна настояла (руководствуясь примером своего брата) на том, чтобы отдать всех сыновей в Училище Правоведения". Впоследствии ни один из братьев Зворыкиных не работал по специальности. "Только старший, **Иван Анатольевич** (1870 г.р.), имел деловые качества. (...) Хорошо вести хозяйство могла ему женитьба на богатой" [Там же, с. 14-15].

Один из младших братьев Ивана, **Федор** не жил постоянно в поместье, но перед первой мировой войной также стал интересоваться им, мечтал откупить у брата Ивана две его части или все имение. Вести переговоры о возможной покупке имения Федору позволило приданое жены Ольги Матвеевой (дочери богатого предпринимателя), на которой он женился в 1915 г. Из-за революции его планы остались нереализованными. Самый младший из братьев, **Анатолий**, продавший свою часть поместья брату Ивану, не имевший денег и не интересовавшийся хозяйством, все же жил в имении практически постоянно с 1912 г. вместе со второй женой Ольгой Голицыной и ее дочерьми. Четвертый брат - **Николай** приезжал в поместье время от времени, постоянно он жил в Вышнем Волочке, где был городским головой.

Из приведенных отрывков семейной истории реконструируется способ обеспечения жизни семьи на протяжении трех поколений и вклад в него мужчин. Представители Зворыкиных по мужской линии не стремились реализовать себя в профессии, на службе. Основные этапы их биографии: получение образования в закрытом учебном заведении в Москве или Петербурге, ранняя отставка, самореализация в хозяйственной деятельности либо в какой-либо непрофессиональной области, женитьба. Надо особо отметить, что именно женитьба позволяла мужчинам начать самостоятельную деятельность по благоустройству имения. Приток средств в семью осуществлялся в основном через выгодные браки. Иван Степанович, его сын Анатолий, старший и младший внуки Иван и Анатолий (в первом браке) женятся на дочерях состоятельных соседних помещиков, другой его внук, Федор женится на дочери богатого предпринимателя, не дворянке, лишь Николай трижды вступает в брак с незнатными и небогатыми женщинами. Только те из мужчин, кто заключил выгодные браки, имели возможность вкладывать средства в поместье. Но вне зависимости от вклада в благоустройство поместья, повседневная жизнь братьев была связана с ним.

Как уже упоминалось выше, братья не имели призвания к юридической деятельности, и профессиональные занятия и работа занимали в их жизни небольшое место. Если братья и "служили", то ради денег, а работа за деньги воспринималась скорее как досадная необходимость, а не как возможность проявить себя. В качестве примера

приведем отрывок из письма Федора Анатольевича к своей невесте О.А. Матвеевой от 4.08.1915 г.:

"То, что ты пишешь о question pecuniarie (денежный вопрос. - Авт.) не особенно утешительно. Ты знаешь, что меня пугает необходимость все свое время и труд отдавать на добывание средств к существованию и то, что мне пришлось бы сделаться рабом семьи, если бы у тебя ничего не оказалось, пришлось бы работать, думая не об интересе самой работы, а о том, как она оплачивается."

Необходимо отметить особенность, присущую дворянской культуре в целом, которая нашла отражение и в жизни братьев Зворыкиных: аристократу "не подобало" быть профессионалом, как и иметь достижительских стремлений. "Решающая установка в воспитании дворянского ребенка состояла в том, что его ориентировали не на успех, а на идеал. Быть храбрым, честным, образованным ему следовало не для того, чтобы достичь чего бы то ни было, а потому что он дворянин..." [13, 38-39. Курсив автора]. Имея гуманитарное образование и широкий кругозор, владея изящным литературным стилем, дворяне эти умения применяли в основном в светском общении. Также было принято быть увлеченным чем-либо всерьез, например, собрать коллекцию или досконально изучить какой-либо предмет, но не для того, чтобы как-либо использовать эти знания, а для души. Такие увлечения имели братья Николай и Федор Зворыкины, и в этих сферах их жизни можно наблюдать стремление к страстной самоотдаче, серьезность, глубину и долговременность интересов.

О Николае Анатольевиче: *Это был настоящий охотник, прошедший на охоте чуть ли не всю жизнь, изведавший всю глубину, силу и остроту этой могучей страсти. Сколько ночей провел он у костров в весеннем бору, дожидаясь своего любимого глухаринного тока, сколько лесов и болот исходил в поисках тетеревов и дупелей с красавцем-лаверраком, сколько и болот истребил волков на веселых зимних облавах!... В нем до старости жила юная душа странника, жадно влюбленного в природу... [...] Вместе с тем, этот дремучий "лесовик" был большим знатоком искусства во всех его проявлениях, неизменным поклонником всего того прекрасного, что обогащает и украшает человеческую жизнь..."* [8, с. 24-25].

О Федоре Анатольевиче: *"После отбывания воинской повинности, одновременно со службой в министерстве, на которую, видимо, не тратилось много времени, Федор Анатольевич серьезно увлекся музыкой. Он имел абсолютный слух, и музыка настолько захватила его, что он поступил на композиторское отделение консерватории... В консерватории Федор Анатольевич учился у Глазунова и Лядова. Однако скоро разочаровался в своих способностях, признав их недостаточными для композитора, и не кончив, ушел из консерватории. Тем не менее, с этих пор музыка становится его постоянной любовью. Где бы он жил, у него всегда был инструмент - пианино или рояль, взятый напрокат, иногда очень старый."* [8, с. 35].

ЖЕНЩИНЫ

Женщины Зворыкины так же, как их братья, получали образование в закрытых учебных заведениях для дворян - институтах благородных девиц в Москве или Петербурге. Возможными сферами самореализации для женщин были замужество и воспитание детей либо хозяйственная деятельность в родительском поместье, общение, светская жизнь, различные увлечения и интересы. Хотя женщины имели равные права на наследование части имущества и денежных средств старших родственников и на распоряжение этими средствами, но в данной семье их финансовая состоятельность считалась менее значимой, чем благосостояние мужчин, их братьев. Такая ситуация повторялась из поколения в поколение.

*"Пока Иван Степанович строил и благоустроивал имение, его жена Софья Петровна родила дочь **Надежду** в 1841 году, а в 1842 году у нее родились два мальчика, близнецы Анатолий и Николай, сама она умерла при родах. "Осиротевших детей Софьи Петровны воспитывала ее незамужняя сестра Елизавета (Милюкова).*

Она особенно любила Наденьку и подкрепила свою любовь, завещав ей, или дала при жизни, большую сумму денег. Анатолию Ивановичу тоже дала, но меньше, примерно одну треть приданого Надежды Ивановны. (...) Анатолий Иванович не чужд был хозяйственной деятельности, однако коммерческими талантами, видимо, не обладал. Вблизи Воздвиженского он построил спиртовой завод. На это ушли деньги, полученные от Елизаветы Петровны Милюковой, да не только его, но и те, что получила Надежда Ивановна. Однако завод оказался убыточным, и Анатолий Иванович разорился и разорил сестру. (...) Надежда Ивановна принимала большое участие в воспитании детей Анатолия Ивановича и Натальи Федоровны. Она была крестной матерью всех детей брата. Она так много занималась детьми, что они называли ее "мама Надя". Уже немолодой, Надежда Ивановна вышла замуж за богатого вдовца - Владимира Ивановича Корпачева [8, с. 12-13].

"Перед своей женитьбой [1906] брат Николушка должен был встретить невесту Хоуп, которая ездила в Англию и теперь возвращалась, чтобы выйти за него замуж. Денег у него не было - это обычное состояние братьев Зворыкиных (кроме Ивана). Для встречи невесты и свадьбы он выпросил у Ксении (сестры) одну из немногих ее драгоценностей - золотой браслет, который тут же и продал. Федор Анатольевич выпросил такой же браслет у матери - Натальи Федоровны" [8, с. 142].

Возможно, такое отношение к средствам и материальным ценностям женщин связано с тем, что приданое женщин должно было достаться в дальнейшем мужу и быть вложено в рост капитала чужой семьи. Таким образом, то, что братья используют средства сестер, можно считать нерефлексируемой тактикой обедневшей семьи, направленной на самосохранение. Но разорение женщин братьями лишало их приданого, и тем самым, уменьшало их шансы на замужество. В дворянских кругах равенство статусов в брачных альянсах поддерживалось приданым и репутацией семей. Поэтому возможность для дворянок выйти замуж была связана с наличием у них приданого. Кроме того, выйти замуж, не потеряв родительского благословения, можно было только за человека из "хорошей семьи", поэтому разорение женщин оставляло им единственную возможность брака - с человеком их круга, который настолько богат, что мог бы пренебречь приданым.

Заметим, что из мужчин в семье Зворыкиных, вступивших в брак до революции, двое (Федор и Николай) женились на женщинах недворянского происхождения, однако их сестрам, судя по всему, выходить замуж за представителей других сословий было не позволено. Возможно, это было связано с тем, что дворянство передается по мужской линии. В семейной истории не дается объяснения этому факту.

Биографии Надежды (1877-1943) и Ксении (1886-1986), которым пришлось пережить 1917 год и приспособившись к жизни в советской России, до революции во многом повторяли доминанты судьбы и основные этапы жизненного пути их предков по женской линии.

В возрасте 10 лет они были отправлены учиться в Екатерининский институт благородных девиц в Петербурге на Фонтанке, где не усердствовали в учебе, но приобрели некоторые полезные для жизни навыки. "Надежда Анатольевна была хорошей рукодельницей — замечательно вышивала и немного шила, хорошо знала языки — французский и английский" [8, с. 89]. "Ксения Анатольевна языки - французский и английский знала, но не очень хорошо. Институт она не кончила" [8, с. 141а].

Во время первой мировой войны обе сестры работали в Красном Кресте - Надежда Анатольевна переводчиком, а Ксения Анатольевна - заведующей по хозяйственной части. Однако работа их не увлекала, как и ведение хозяйства и быт в своем имении. У них преобладали, как повествует семейная история, "интеллигентные интересы" - к книгам, музыке, развлечениям. Также большое место в их жизни занимало общение с людьми, "особенно, если в них предполагался какой-нибудь интерес из области культуры" [8, с. 169]. Сестры Зворыкины не вышли замуж ни до революции, ни после нее. В 1919 г. Надежда Анатольевна взяла на воспитание дочь брата Николая Евгению.

КОНВЕРТАЦИЯ УМЕНИЙ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ. ИЗМЕНЕНИЕ СЕМЕЙНОГО СТИЛЯ

Непосредственным толчком к изменению повседневных практик послужила Октябрьская революция, экспроприация поместья. С потерей поместья нарушилась межпоколенная непрерывность и в сфере обеспечения жизни семьи, и в стиле общения, и в самоидентификации. У наследников традиционного семейного стиля возникла необходимость выбора нового способа жизни, овладения новыми умениями. Возможность того или иного выбора (осознанного или неосознанного) дальнейшего способа существования дворянской семьи зависела от предшествующего индивидуального жизненного опыта каждого из ее членов, от наличия у всей семьи и у каждого в отдельности различных ресурсов и от специфики макро- и микро-социальных контекстов, сопровождавших изменения.

Для анализа послереволюционной деятельности семьи Зворыкиных будет использовано понятие "тактики" Мишеля де Серто. Он рассматривает "способы потребления" людьми "продукции" экономики, политики, идеологии государства. Тактики потребления, по мысли де Серто, могут быть различными, и могут не совпадать с замыслами производителей господствующего социального и экономического порядка, и тогда они становятся бессознательными тактиками сопротивления, формируя "антидисциплинарную сеть". Одним из примеров тактики сопротивления является употребление языка, правила которого устанавливаются властвующей элитой, необразованными людьми [14]. Используя терминологию де Серто, я буду под "продукцией" понимать действия властей в отношении дворянства и прочие внешние (макро-) условия, а под "тактикой" - реакцию членов семьи.

Тактики женщин: овладение ситуацией по типу "Возвращение к старому"

С 1917 примерно до начала 1919 г. члены семьи жили в разных местах - по деревням Тверской губернии, в Петербурге, в Вышнем Волочке. Уже с 1919 г. прослеживаются существенные различия в тактиках братьев и сестер. Эти различия возникли спонтанно, в ходе использования подвернувшихся возможностей, однако по ним видно влияние различий дореволюционного опыта женщин и мужчин и обусловленных этим опытом особенностей восприятия происходящего и способностей к овладению ситуацией.

«Революцию Надежда Анатольевна не приняла. Хотела эмигрировать, но не было денег, а работать "на большевиков" принципиально не желала. В 1918 году она жила вместе с братом Федором Анатольевичем в Петрограде на Знаменской улице и работала сестрой на госпитальном судне "Народоволец", которое стояло на Неве. В 1919 вместе с семьей брата уехала в Вышний Волочек к Наталье Федоровне и Ксении Анатольевне. Там устроилась работать руководителем избой-читальней на мизерную ставку. (...) Из Вышнего Волочка Надежда Анатольевна вместе с матерью, сестрой и Гесей (дочь брата, которую она взяла на воспитание. - С. Ч.) переехала в имение Островно. Владелец имения, Николай Владимирович Ушаков, выселенный из своего имения, мирно жил тут же в маленькой избушке. Неподалеку обитала целая группа художников. Они написали письмо в Наркомпрос с просьбой сохранить Островно как художественную ценность. Такой "ценностью" Островно стало благодаря тому, что в нем провел лето 1894 года И. Левитан.

Кому-то пришло в голову устроить в Островно вроде дома отдыха для работников искусства. Наняли кухарку и горничную для уборки комнат и пригласили человек 10-12 отдыхающих из Москвы и Ленинграда. Были годы НЭПа и частное предпринимательство не возбранялось. Приезжала арфистка Ольга Эрдели, профессор Николаи, был высокий тенор (англичанин?) Пикок с женой. Подолгу жил Крейслер

(близкий друг семьи — С. Ч.) с дочерьми, и, кажется, ничего не платил. Надежда Анатольевна и Ксения Анатольевна старались обслужить своих постояльцев получше. Ксения Ан. доставала продукты, а Надежда Ан. ведала приготовлением блюд, сервировкой стола и т.д. Гости не скучали - устраивали любительские спектакли... были прогулки, игры, шутки, мимолетные романы, конкурсы на самый красивый букет... [8, с. 92-94].

Резкие и неприятные перемены принес с собой 1929 год — "год великого перелома". (...) Оставшихся в деревне помещиков стали выселять. Ксению Анатольевну отстранили от охраны Островно, никем не заменив. При выселении Ксению Анатольевну лишили избирательных прав. (...)

Однажды, Ксения Анатольевна услышала, что в соседнем имении Коптевых продавался флигель. (...) Ксения Анатольевна решила купить этот флигель, но денег, конечно, не было. Чтобы добыть их, она поехала в Тверь, и продала свою обезьянью шубку. Однако на торги дома как бывшую помещицу ее не допустили. По словам Ксении Анатольевны, это время, когда надо было уезжать из Удомли, было одним из самых тяжелых моментов ее жизни» [8, с. 146-147].

Экспроприация поместья была поворотным моментом в жизни всей семьи, возможно, более ощутимым, чем утрата дворянского статуса. Однако наиболее болезненной потеря имения была для женщин, жизнь которых до революции была в большей степени ограничена домашним миром и общением с соседями и у которых поэтому было меньше различных возможностей адаптации, чем у мужчин. Вероятно, поэтому из ряда возможных тактик реагирования на изменение социального контекста женщины ориентируются на восстановление семейного стиля и делают попытку снова поселиться в имении, хотя и не своем собственном, но хорошо знакомом. Надо особо отметить, что женщинам удалось не просто поселиться в имении Островно, но и воссоздать в нем круг общения, отчасти состоящий из людей, бывавших в их имении Воздвиженском, или во всяком случае, близких им по стилю жизни и социальному статусу.

Изменение практик, демонстрируемое женщинами в первое десятилетие после революции, является, пользуясь определением Спинозы, Флореса и Дрейфуса [7], **реконfigurацией** - т.е., таким типом изменения, когда маргинальная практика постепенно становится центральной. Умение обслуживать постояльцев (покупать в деревнях продукты, готовить, сервировать стол, организовывать досуг), которое до революции не являлось основным занятием женщин, их обязанностью и способом заработка, в 1920-е годы превратилось в их постоянную работу, стало для них возможностью приспособления к новой жизни.

Джон Ченнон в статье, посвященной жизни помещиков, оставшихся в местах своего прежнего жительства в 1920-е годы, анализирует, какая часть помещиков осталась, и сферы их занятости. Он предполагает, что жить на своих землях или по соседству остались 11-12% помещиков, причем это средние и мелкопоместные землевладельцы, не имеющие равноценного жилья в других местах и денег на эмиграцию. Для того чтобы остаться жить в прежнем месте всей семьей, необходимо было приобрести статус труженика и возможность заработка. Для этого изобретались различные способы, например, получали землю и организовывали фиктивную "трудовую коммуну", состоящую из родственников и знакомых; добивались придания статуса музеев своим или соседним усадьбам и жили в этих "музеях" в качестве "хранителей".

Все возможные тактики бывших помещиков, оставшихся на своей земле (и тактики сестер Зворыкиных — один из вариантов) являются примером социологического механизма реконfigurации. Значение, придаваемое людьми подобному изменению своей жизни - это то, что Джон Ченнон удачно называет "косвенным возвращением" (indirect re-entry) к прежней жизни [15].

После 1929 года, когда вновь возникла необходимость выбора, женщины снова пытаются вернуться к прежнему стилю жизни, они не предпринимают попыток радикально изменить свою жизнь, например, переехать в город. Особенно показательна в этом смысле попытка купить флигель, которую предпринимает Ксения Анатольевна.

Только когда пребывание в Удомельском крае становится опасным, женщины под давлением друзей, знакомых и родственников переселяются в Петербург в коммунальную квартиру № 38 на Кировском (Каменноостровском) проспекте дом 73/75, где уже живет семья их брата Федора. Приведем несколько отрывков, характеризующих жизнь сестер в этот период.

«Жизнь в Ленинграде налаживалась с большим скрипом. Чтобы получить право на комнату, нужно было прописаться, для прописки — поступить на работу. На работу Ксению Анатольевну не брали, потому что во-первых, продолжалась безработица, во-вторых, не было никакой специальности. Наконец, уже в 1931 году М.А. Красовская [соседка по дому, знакомая Зворыкиных, тоже дворянка. - С. Ч.] устроила ее в библиотеку сельскохозяйственного ин-та в Детском Селе. Ксения Анатольевна была принята на временную работу по обработке старых книжных фондов. Несмотря на то, что приходилось ездить за город, она была очень довольна. [...] В 1937 году ей удалось устроиться в библиотеку ленинградского строительного института [8, с. 149-150]. Надежда Анатольевна в 30-х годах давала частные уроки английского языка, причем ходила на уроки сама, к ней не приходили [8, стр. 94].»

Видимо, переезд в город еще больше обострил возникшую у женщин уже в первые послереволюционные годы проблему идентичности. Их дворянский статус стал "социальным клеймом", и его восприятие, которое было до революции естественным и неререфлексируемым, стало проблематичным и перешло в сферу осознаваемого: дворянская идентичность стала для них (как, вероятно, для многих "бывших") объектом манипуляции. Это было связано со стигматизацией дворян, с тем, что нужно было в публичной сфере, например, при устройстве на работу, скрывать свое происхождение. Сестры используют возможные способы преодоления стигматизации: избегание официального устройства на работу (Надежда) и устройство на временную работу в пригороде, по знакомству (Ксения).

Ирвинг Гоффман пишет, что стигма может порождать несоответствие между действительной социальной идентичностью, и виртуальной, той, которую демонстрируют [16, с. 20-22]. Такое несоответствие можно наблюдать на примере дворянской идентичности в советском обществе. Очень вероятно, что после пережитого послереволюционного десятилетия действительная (непроблематизированная) идентичность женщин (т.е. кем они в действительности себя ощущают, не отдавая себе в этом отчета) отличалась от их дореволюционной идентичности. В то же время в силу многих обстоятельств идентификация себя как дворянки продолжает играть важную роль, причем она становится единственным "капиталом", способствующим дистанцированию от представителей чуждых им классов в социальном пространстве советского общества. Вероятнее всего, в приватной сфере, встречаясь с теми, кто разделял с ними социальное клеймо (дворяне и др. "бывшие"), они пытались представить себя такими, какими они хотели себя видеть. В то же время, в публичной сфере они же должны были скрывать (или не афишировать) черты, выдающие их дворянский статус.

Обобщая сказанное, можно заметить, что женщины пытаются жить в рамках прежней системы координат. Хотя они приобретают новые умения после революции и фактически их жизнь изменяется, но их тактики овладения ситуацией направлены на консервацию прежнего образа жизни, а не на преобразования.

Тактики мужчин: переход от "мира любителя" к "миру профессионала"

«Когда умер Анатолий Иванович в Москве (1918), то у него оказался документ, по которому он мог уехать за границу. Старший сын - Иван Анатольевич взял этот документ и пошел в учреждение, которое его выдало. Там он сказал: "Вы выдали документ, но тут вкралась ошибка. Здесь написано Анатолий Иванович, а я

Иван Анатольевич! Исправьте пожалуйста!" Документ исправили, и он уехал» [8, с. 16-17].

Остальные братья остались в России и пытались "найти себя" при новом режиме. Особенно интересными с социологической точки зрения представляются тактики реагирования на изменение социального контекста братьев Николая и Федора.

"В начале 1920-х Николай Анатольевич работал в Лесосоюзе на ст. Максатиха. Начиная с 1925 года ряд рассказов Николая Анатольевича печатался в охотничьих журналах, но с 1929 года беллетристики он больше не писал... Видимо, писательский заработок был не очень надежен, поэтому Николай Анатольевич брался натаскивать охотничьих собак, и всегда у него были красавицы-собаки, свои или чужие. В 1934 году на Кавказе расплодился волки, и Николай Анатольевич вместе с другими специалистами ездил на Кавказ организовывать борьбу с волками по правительственному заданию. Но главным его занятием в ту пору было писать об охоте. Его работы в этой области довольно многочисленны и среди специалистов высоко ценились. Некоторые из его книг - объемисты, другие — совсем небольшие статьи или брошюры. Список публикаций Николая Анатольевича содержит 34 названия" [8, с. 23-32].

«В 1918 году Федор Анатольевич с женой и двумя дочерьми -1916 и 1918 г.р. жил в Петрограде на Знаменской улице. В 1919 семья решила уехать в Вышний Волочек, а оттуда - в деревню.

Кто-то из вышеволоцких знакомых устроил Федора Анатольевича в Саково (в Калининской области). Там ему предоставили небольшой флигель, видимо, в бывшем имении, с огородом, которым в основном и кормились. Федор Анатольевич должен был заниматься политпросветительской работой в клубе и заведовать библиотекой. Просветработа сводилась к руководству хором. В Саково прожили два года, до тех пор, пока кому-то из имеющих власть не пришло в голову, что Федор Анатольевич - беспартийный и "из бывших" - не самая подходящая фигура для политпросвета. Пришлось переезжать с насиженного места (...) Федор Анатольевич собирался прочно устроиваться и учить детей в Ленинграде, поэтому, временно оставив семью в Окуловке (Новгородской обл.), он уехал в город. Там ему удалось устроиться счетоводом в Стройконтору. Платили в Стройконторе не так мало, но очень нерегулярно, постоянно и надолго задерживая выплату жалованья... Разочаровавшись в счетоводной профессии, он поступил на курсы иностранных языков Боянуса. Впоследствии диплом этих курсов приравнивали к институтскому. Обучение было рассчитано на пять лет, но знающим язык разрешалось поступать сразу на любой курс для усовершенствования. Федор Анатольевич проучился один год. (...) Окончив курсы, стал преподавать английский язык в Лесотехнической Академии, на геофаке университета и в Институте Водного транспорта. В Лесотехнической академии ему вскоре присвоили звание доцента и поручили составить учебник английского языка для слушателей лесотехнических ВУЗов. В 1933 году учебник вышел в свет. Жизнь, наконец, стала налаживаться. Наступило более или менее обеспеченное существование" [8, с. 64-75].

После революции, во время НЭПа в жизни обоих братьев Зворыкиных происходит преобразование, которое меняет не только их повседневную жизнь, но и их восприятие жизни. То, что было для них до революции хобби, они пытаются сделать своей профессией. Они не только в силу необходимости зарабатывать деньги (хотя, возможно, что им самим это представлялось именно так), но и в силу появившихся возможностей стать специалистом в деле, которое нравится и к которому предрасполагают способности, а не в той деятельности, которой прилично заниматься согласно статусу, производят изменение своей жизни, которое является прежде всего, символическим - мир аристократа-любителя в ответ на изменение социального кон-

текста превращается в мир широко образованного профессионала. Это изменение хорошо иллюстрирует жизненный путь Николая Анатольевича. Путь Федора Анатольевича в свою очередь интересен тем, что он показывает всю последовательность приобретения новых умений после революции. После периода интенсивной горизонтальной мобильности, переездов по бывшей Тверской губернии, Федор Анатольевич сам принимает решение переехать жить в город, где он видит возможность "найти себя" и обеспечить семью.

В городе его путь к профессиональному самоутверждению состоит из двух этапов. В 1925-29 годах, работая счетоводом в стройконторе, он, также, как и брат Николай, пытается профессионализировать свое хобби - сочиняет фокстроты и продает их певцам и артистам. Эта первая попытка конвертации своих умений, хотя и оканчивается неудачей, однако является значимой, так как приносит в его арсенал знаний и навыков новое умение - продавать свои знания. С этой попытки начинается ресоциализация и формирование новой идентичности - идентичности специалиста. Уже имея этот опыт, он предпринимает новую, удачную попытку конвертации умений, обретения профессии, которая приносит ему и доход, и творческое удовлетворение.

Изменение, произошедшее в жизни братьев Зворыкиных, также является реконфигурацией. Но их тактики инновационны, они направлены на использование новых возможностей. В отличие от сестер, их дворянское происхождение (и соответствующие дворянскому статусу правила) имеют для них меньшее значение, и возможно, оно становится малозначимым тогда, когда оно перестает быть для них препятствием в профессиональной мобильности. Жизненные пути братьев Николая и Федора Зворыкина в послереволюционные годы иллюстрируют, насколько неоднозначен процесс социальных изменений, и насколько непредсказуема реакция людей на "удары" сверху. Так, дискриминационные законы и указы советской власти, имея своей целью стигматизацию и подавление "бывших", в реальности предоставили некоторым из них возможность профессиональной самореализации, которую они смогли использовать благодаря своему предшествующему жизненному опыту, но которая, судя по всему, отсутствовала у них тогда, когда они жили в рамках прежней, дореволюционной "системы координат".

В записках показано, как происходят социальные изменения в повседневной жизни, как постепенно конвертируются одни навыки повседневной жизни в другие и как привычные обыденные действия в "новой" окружающей среде приобретают иное значение. Процесс конвертации можно описать как соприкосновение жизненного опыта человека или группы людей, прошедших схожие этапы социализации, с непривычным для этой группы социальным контекстом. Для процесса конвертации жизненный опыт и макросоциальный контекст равнозначимы.

Хотя способы овладения ситуацией в послереволюционные годы в значительной степени зависели от случайных обстоятельств и подвернувшихся возможностей, однако они представляют интерес для социологического рассмотрения, учитывая, что шансом и "счастливым случаем" в любой ситуации становится только то, что человек в силу имеющихся у него умений и ресурсов способен использовать в своих целях. Следовательно, человек делает тот или иной шаг лишь в пределах своих возможностей, и этот шаг показывает, каков багаж его жизненного опыта. На примере биографий дворян показано, как умения, которые до революции имели определенное место в их жизненном укладе, начинают применяться в новом качестве после революции. Описанная конвертация конкретных навыков (игра на музыкальных инструментах и сочинение музыки, охота, знание иностранных языков) — это частный случай (индивидуализация) механизма конвертации капиталов, который описывает Пьер Бурдьё в книге "Различение", рассуждая о социальной мобильности [17, с. 131-132].

Сравнение истории семьи Зворыкиных с историями других дворянских семей, переехавших в 1920-е - 1930-е годы в Ленинград, показывает, что эти же возможности приспособления к новым условиям использовались многими. Но очевидно, что дворяне, имевшие тот же арсенал умений и знаний и попавшие в 1920-е - 1930-е в иной социальный контекст (например, в эмиграцию), должны были бы искать другие возможности выживания, заработка, профессиональной самореализации, актуализировать иные имеющиеся у них навыки и знания. Следовательно, исследование тех шагов, которые делают в своей жизни люди, позволяет высветить особенности социальной структуры данного общества, ее своеобразия, лестницы и барьеры в социальной мобильности.

Описанные здесь мужские и женские траектории представляют собой два разных способа "овладения ситуацией", однако нет оснований утверждать, что мужчинам был свойствен один способ, а женщинам другой. В других семейных историях есть примеры противоположные, когда женщинам, имевшим аристократическое хобби, удавалось найти возможность успешной профессиональной самореализации в 1920-е - 1930-е годы, и когда мужчины не могли конвертировать имеющиеся культурные навыки. Но все же можно предполагать, что в целом специфика дореволюционного жизненного опыта женщин и особенности дворянской гендерной культуры давали им меньше шансов на профессиональную самореализацию после революции, как и до нее, чем мужчинам.

Итак, реконструкция жизненного опыта представителей одной семьи выводит на размышление о механизмах социальных преобразований. Данное исследование позволяет предположить, что в случае, когда резкое изменение социального контекста заставляет искать новые способы выживания, повышения статуса, самореализации, возможность приспособления представителей различных социальных групп к новым условиям существования в значительной степени зависит от того, каков имеющийся у них пассивный запас различных ресурсов, навыков, умений и знаний, который может быть актуализирован в новых условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. №6.
2. Волков В.В. Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации // Куда идет Россия? Общее и особенно в современном развитии / Под ред. Заславской Т.И. М.: МВШСЭН, Интерцентр. 1990. С. 323-333.
3. Elias N. The Civilizing Process. Oxford: Blackwell, 1978.
4. Thompson E.P. The Making of the English Working Class. London; N.Y.: Penguin Books, 1980.
5. Thompson E.P. The Poverty of Theory of an Orrery of Errors. London: Merlin Press, 1995.
6. Монсон П. Марксизм. Современная западная социология. СПб: Нотабене, 1992.
7. Spinosa Ch., Flores F. & Dreyfus H. Disclosing New Worlds: Entrepreneurship, Democratic Action, and the Cultivation of Solidarity. Massachussets: MIT Press, 1997.
8. Зворыкина Н.Ф. Записки. Л., 1984 (Рукопись, из личного архива автора).
9. Goode W. World Revolution and Family Patterns. N.Y.: The Free Press, 1970.
10. Берто Д. и Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. Том 1, № 2. 1992.
11. Bourdieu P. Le capital social. Notes provisoires // Actes de la recherche en sciences sociales, 31.01.1980.
12. Архангельский Н.А. История Удомельского района. Часть 2. С 1900 года по 1917 год. Тверь: Верхневолжская ассоциация периодической печати. 1995.
13. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М.: Linka-Press, 1995.
14. De Certeau M. The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.
15. Channon J. Tsarist Landowners After the Revolution: Former *Pomeshchiki* in Rural Russia during NEP // Soviet Studies, vol. XXXIX, № 4, October 1987.
16. Goffman E. Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity. London: Penguin Books, 1990.
17. Bourdieu P. Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge, 1984.